

Налоговые и таможенно-тарифные инструменты изъятия нефтяной ренты в доход российского бюджета

Дмитрий Юрьевич Федотов

E-mail: fdy@inbox.ru, ORCID: 0000-0001-9908-802X

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация;
Байкальский государственный университет,
г. Иркутск, Российская Федерация

Аннотация

Для стран, ориентированных на добычу и переработку полезных ископаемых, включая Россию, важной задачей является организация рационального изъятия и распределения природной ренты. Модель налогообложения природной ренты должна удовлетворять двум условиям: обеспечивать наиболее полное ее изъятие в бюджет и не снижать склонность недропользователей к инвестированию.

Цель исследования — измерение величины изъятия нефтяной ренты и разработка путей повышения качества ее перераспределения. Гипотеза исследования состоит в том, что вывозные таможенные пошлины лучше, чем налог на добычу полезных ископаемых, справляются с задачей распределения нефтяной ренты между недропользователями и российским бюджетом.

В работе проведен корреляционный анализ между величиной нефтяной ренты и поступлением рентных платежей. Установлено, что посредством применения рентных платежей в доход государства в период 2005–2022 гг. изымалось до 87% создаваемой в России нефтяной ренты. Однако в последние годы уровень изъятия нефтяной ренты снизился до 56%. Выявлено, что причиной этого стало проведение с 2015 г. налогового маневра, заключающегося в понижении ставки вывозных таможенных пошлин вплоть до обнуления и увеличении ставки налога на добычу полезных ископаемых. Полученные результаты позволили сделать вывод о снижении эффективности рентного налогообложения в России из-за того, что сокращается фискальное значение рентных платежей, а также ослабляется их регулирующая функция, направленная на стимулирование налогоплательщиков к осуществлению инвестиций. Результаты исследования могут быть учтены при осуществлении налоговой политики в России и проведении дальнейших научных исследований.

Ключевые слова: налог, нефтяная рента, таможенная пошлина, налог на добычу полезных ископаемых, налоговый маневр, инвестиции, корреляционный анализ

JEL: E62, H21

Финансирование: статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве Российской Федерации.

Для цитирования: Федотов Д. Ю. Налоговые и таможенно-тарифные инструменты изъятия нефтяной ренты в доход российского бюджета // Финансовый журнал. 2024. Т. 16. № 5. С. 121–139. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2024-5-121-139>.

© Федотов Д. Ю., 2024

<https://doi.org/10.31107/2075-1990-2024-5-121-139>

Taxes and Customs Duties as Instruments of Oil Rent Withdrawal to the Russian Budget Revenue

Dmitry Yu. Fedotov^{1, 2}

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

² Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

^{1, 2} fdy@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9908-802X>

Abstract

For countries focused on the extraction and processing of natural resources, including Russia, the crucial task is to ensure the rational extraction and distribution of natural rent. The tax model applied to natural rent should facilitate its optimal allocation to the budget without undermining the motivation of resource users to invest. The purpose of this study is to gauge the extent of oil rent extraction to the Russian budget and to propose strategies to improve the efficiency of oil rent redistribution to the state budget. According to the author's hypothesis, export customs duties, compared to the mineral extraction tax, are more effective in achieving the desired redistribution of funds from resource users to the budget. The analysis shows that from 2005 to 2022 up to 87% of the oil rent received in Russia was extracted through rent payments to the state budget. However, in recent years the degree of oil rent extraction has decreased to 56%. This decline can be attributed to the tax maneuver initiated in Russia since 2015, entailing the reduction and eventual abolition of export customs duties and an increase in the mineral extraction tax rate. The results obtained indicate a decline in effectiveness of rent-based taxation in Russia due to the decreasing fiscal significance of rent payments. Furthermore, their regulatory function, designed to stimulate taxpayers to make investments, has weakened. These findings provide valuable insights for shaping fiscal policies and lay the foundation for further research in this area.

Keywords: tax, oil rent, customs duty, mineral extraction tax, tax maneuver, investment, correlation analysis

JEL: E62, H21

Funding: The article is based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

For citation: Fedotov D.Yu. (2024). Taxes and Customs Duties as Instruments of Oil Rent Withdrawal to the Russian Budget Revenue. *Financial Journal*, 16 (5), 121–139 (in Russ.).

<https://doi.org/10.31107/2075-1990-2024-5-121-139>.

© Fedotov D.Yu., 2024

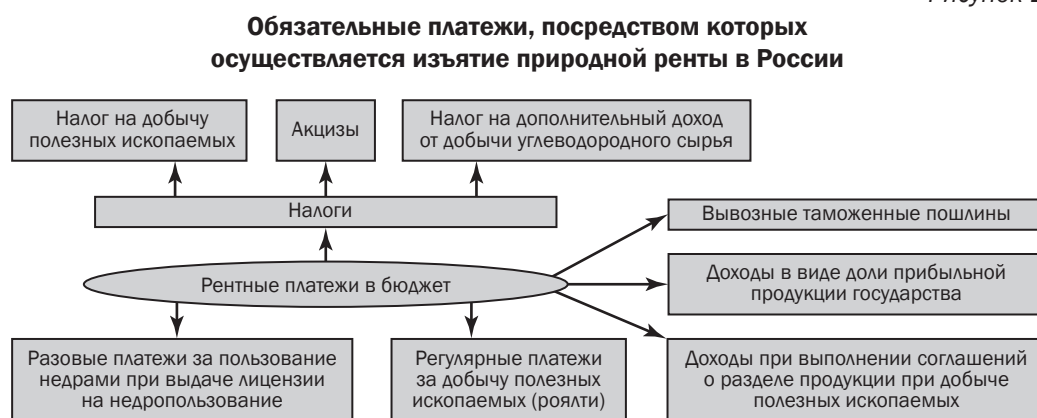
ВВЕДЕНИЕ

Важной задачей исследования экономических отношений, связанных с образованием и перераспределением природной ренты, является поиск и построение оптимальной модели ее налогообложения, которая, с одной стороны, позволяла бы изымать в государственный бюджет наибольшую часть создаваемой природной ренты, с другой стороны, не подавляла бы деловую активность в отрасли добычи полезных ископаемых и не снижала бы склонность налогоплательщиков к инвестированию. Немаловажно обеспечить нейтральность системы налогообложения природной ренты.

К настоящему времени сложилось несколько способов изъятия природной ренты в доход бюджета. Государство одновременно использует несколько финансовых инструментов налогообложения природной ренты, позволяющих перераспределять в государственный бюджет сверхдоходы, образуемые у недропользователей в форме ренты. К числу таких

рентных платежей относятся налоги, таможенные пошлины и иные специальные платежи. На рис. 1 приведен перечень взимаемых в России обязательных платежей, посредством которых осуществляется изъятие природной ренты. Каждый вид рентных платежей позволяет изъять природную ренту на разных этапах производственного процесса: налог на добычу полезных ископаемых (НДПИ) и другие платежи за недропользование изымают ренту на этапе добычи полезных ископаемых; акцизы — в процессе реализации готовой продукции (нефтепродуктов); налог на дополнительный доход изымает ренту, образуемую в форме дополнительной прибыли компаний при подведении финансовых результатов их деятельности; вывозные таможенные пошлины производят изъятие ренты в момент экспорта полезных ископаемых за границу. Таким образом, одна компания, занимающаяся добычей полезных ископаемых, одновременно является плательщиком нескольких рентных платежей, которые в совокупности обеспечивают частичное изъятие природной ренты в государственный бюджет.

Рисунок 1

Источник: рисунок автора.

Целями исследования являются измерение величины изъятия нефтяной ренты в бюджетную систему страны и определение подходов к повышению качества ее перераспределения в доход бюджета посредством увеличения уровня изъятия нефтяной ренты при соблюдении налоговой нейтральности.

В последние годы в России активно осуществляется реформирование налогообложения нефтяной ренты. С 2015 г. осуществлялся налоговый маневр, который заключался в замещении изъятия нефтяной ренты посредством вывозных таможенных пошлин на сырую нефть и нефтепродукты на НДПИ. Налоговый маневр завершился 1 января 2024 г. в результате обнуления ставок вывозных таможенных пошлин на нефть и нефтепродукты. А в 2019 г. НДПИ был дополнен налогом на дополнительный доход (НДД), которым облагается сверхприбыль отдельных нефтегазовых компаний. Кроме того, применение НДД позволяет нефтедобывающим предприятиям сократить уплачиваемую сумму НДПИ, например, при добыче трудноизвлекаемых полезных ископаемых. Тем самым введение данного налога преследует цель вовлечения в производственный оборот ранее нерентабельных участков недр.

На наш взгляд, главную причину проведения налогового маневра следует искать в происходящих в последние годы на территории постсоветского пространства интеграционных процессах. С 2010 г. был создан Таможенный союз, объединяющий Россию, Белоруссию и Казахстан, который с 2015 г. был преобразован в Евразийский экономический союз после присоединения Армении и Киргизии. На единой таможенной территории

отменяются меры таможенного регулирования во взаимной торговле, включая вывозные таможенные пошлины.

Различные виды рентных платежей неспособны в одинаковой степени качественно произвести изъятие созданной нефтяной ренты в бюджет. В последние годы основная часть нефтяной ренты изымалась посредством НДС и применявшихся до 2024 г. вывозных таможенных пошлин. В качестве гипотезы исследования было выдвинуто предположение о том, что вывозные таможенные пошлины лучше, чем НДС, справляются с задачей перераспределения нефтяной ренты от недропользователей в бюджет. На наш взгляд, это обусловлено тем, что вывозные таможенные пошлины относятся к косвенным обязательным платежам и налогоплательщики, перекадывая их на иностранных потребителей, меньше склонны рассматривать их в качестве налоговой нагрузки.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОДХОДОВ К НАЛОГООБЛОЖЕНИЮ НЕФТЯНОЙ РЕНТЫ

Современные научные публикации посвящены различным аспектам получения, распределения и налогообложения природной ренты. Е. В. Марьин приводит ряд характеристик природной ренты, которые, как нам представляется, обуславливают применение специфических подходов к обложению этого вида дохода, в основном связанных с преимущественным изъятием его в государственный бюджет: «...минеральные ресурсы обычно принадлежат стране, в которой они обнаружены; месторождения полезных ископаемых считаются частью геологического наследия страны, и поэтому правительства требуют доли богатства, полученного в результате их эксплуатации» [Марьин, 2022, с. 913].

Наличие у страны возможности извлекать природную ренту при добыче полезных ископаемых, с одной стороны, является благом, позволяя получить в процессе экономической деятельности дополнительный национальный доход, с другой стороны, экономическая политика, ориентированная на извлечение ренты, может провоцировать стагнацию национальной экономики. Такое явление получило название «ресурсное проклятие», оно исследовано, например, в публикациях [Masi et al., 2024; Canh et al., 2020]. Х. Мелум и соавторы настаивают на том, что от качества институтов в стране зависит качество эксплуатации природных ресурсов. Полученные на основе разработанной ими математической модели расчеты позволили прийти к выводу о том, что «ресурсное проклятие» характерно для стран со слабо развитыми институтами. Они выявили негативное влияние ренты в странах с низким качеством институциональной среды (в Нигерии, Замбии, Сьерра-Леоне). Коррупция, бюрократия, неисполнение законов побуждают недропользователей вместо совершенствования производственной деятельности преследовать цели присвоения ренты. В то же время в странах с хорошими институтами¹ (в Норвегии, Ботсване) эксплуатация природной ренты способствует экономическому развитию и росту благосостояния населения [Mehlum et al., 2006]. К аналогичным результатам в своем исследовании пришел Дж. А. Робинсон с соавторами: в странах с развитыми институтами добыча полезных ископаемых способствует экономическому росту, а в странах с плохими институтами может возникнуть «ресурсное проклятие» [Robinson et al., 2006].

Большое количество авторов занималось исследованием проблем налогообложения природной ренты, при этом наибольшее внимание было уделено налогообложению нефтяной ренты. Мы согласны с мнением Ю. Б. Иванова о том, что эффективность налогообложения ренты в определенной степени зависит от возможности переложения налогов на иных лиц: «...эффективность природно-ресурсного налогообложения зависит от степени переложимости таких налогов, которая в общем случае определяется классическим

¹ Представители институционализма делят социально-экономические институты на плохие и хорошие. Хорошие институты способствуют экономическому росту, плохие институты его тормозят (см., напр. [Полтерович, 2006]).

соотношением эластичности спроса и предложения на продукцию, в производстве которой задействованы ресурсы» [Майбуров, Иванов и др., 2018, с. 16]. Данное свойство рентного налогообложения с выгодой проявляется при обложении экспорта природных ресурсов, когда вывозные таможенные пошлины перекадываются с номинальных плательщиков (отечественных экспортеров) на фактических плательщиков (иностраннх потребителей).

Как указано в исследовании [Osmundsen, Lovas, 2009], в мире не существует оптимальной системы налогообложения природных ресурсов, построение такой налоговой системы зависит от индивидуальных особенностей страны. Особенностью России является активное применение до недавнего времени, наряду с налоговыми инструментами изъятия природной ренты, еще и таможенно-тарифных инструментов. Десять лет назад они занимали наибольшую долю среди всех инструментов изъятия природной ренты в бюджет. Поскольку экспортные пошлины искажают цены на экспортные поставки, то они, по утверждению С. Тордо, обычно не взимаются с нефти и газа. Однако Россия относится к числу немногих стран, где делается исключение из этого правила [Tordo, 2007].

Многие ученые анализировали процесс налогообложения добывающих компаний в различных странах мира. Так, А. М. Кьер и др. [Kjær et al., 2021] привели аргументы в пользу того, что в развивающихся странах зачастую не удается создать эффективный налоговый механизм изъятия природной ренты. В работе [Brown et al., 2020] оценены последствия изменения налогообложения добычи нефти в нескольких штатах США и установлено, что рост налоговой нагрузки снижает рентабельность добычи нефти в большей степени, чем снижение цены реализации нефти. Д. Дж. Вулфсон и др. выявили налоговые способы стимулирования экологичного недропользования [Wolfson, Koopmans, 1996].

В. Ф. Исламутдинов и соавторы рассмотрели процесс распределения и изъятия нефтяной ренты с применением институционального подхода — на основе институтов распределения ренты (в т. ч. конкурсного порядка предоставления лицензий на недропользование, налогообложения, соглашений о разделе продукции, трансфертного ценообразования и др.) [Исламутдинов и др., 2015]. Многие авторы критикуют действующую в России систему налогообложения нефтяной ренты. По мнению А. Г. Власова, российская система рентного налогообложения не обеспечивает качественного изъятия ренты в государственный бюджет [Власов, 2007]. Чаще всего исследователи критикуют налогообложение природной ренты НДС, к их числу относится [Титова, 2011], а также ряд авторов, чьи результаты исследований приведены в разделе «Обсуждение». Различные вопросы налогообложения природных ресурсов рассматриваются в публикациях [Lund, 2009; Балиновская и др., 2023; Тюрина, Троянская, 2018].

Ряд авторов в своих публикациях анализирует содержание и последствия налогового маневра, призванного реформировать порядок налогообложения нефтяной ренты (см., напр. [Гринкевич, 2017]). Мы разделяем точку зрения Н. В. Голубченко и А. И. Кузовкина о том, что основной причиной проведения налогового маневра является создание Евразийского экономического союза, предусматривающего отмену таможенных пошлин во взаимной торговле [Голубченко, Кузовкин, 2016].

Новшеством последних лет в России стало введение нового налога — налога на дополнительный доход от добычи углеводородного сырья (НДД), который стал очередным элементом реформирования механизма налогообложения нефтяной ренты. Л. В. Камдина и О. Л. Симченко, проанализировав первые годы применения НДД, пришли к выводу о том, что его введение привело к снижению налоговой нагрузки на нефтедобывающие компании. С одной стороны, это позволило им ввести в эксплуатацию низкорентабельные месторождения, с другой — привело к сокращению доходов государственного бюджета [Камдина, Симченко, 2022]. В исследовании [Зяблицкая, Котюк, 2021] утверждается,

что режим НДС для налогоплательщиков выгоднее НДСП, т. к. позволяет снизить налоговые платежи. В. С. Панчева, проанализировав зарубежный опыт применения НДС, сделала вывод о том, что этот налог не позволит эффективно изымать нефтяную ренту в России [Панчева, 2014]. Выводы, изложенные в рассмотренных публикациях, во многом согласуются с результатами нашего исследования. Замещение вывозных таможенных пошлин иными обязательными платежами, изымающими нефтяную ренту (включая относительно новый для российской практики НДС), сокращают фискальную нагрузку на добывающие предприятия, что, в свою очередь, снижает уровень изъятия в бюджет нефтяной ренты.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Расчет величины нефтяной ренты, создаваемой в России, был произведен на основе авторской методики, предусматривающей измерение разницы между суммой дохода, полученной нефтяной отраслью, и суммой затрат, произведенных предприятиями нефтяной отрасли. При разработке методики использовались подходы, изложенные А. К. Пителиным [Пителин, 2021].

Совокупная величина нефтяной ренты была рассчитана путем сложения величины ренты сырой нефти, создаваемой при ее первичной добыче, с величиной ренты нефтепродуктов, создаваемой при переработке сырой нефти. Для расчета величины ренты сырой нефти применена формула (1), в соответствии с которой были суммированы все доходы, полученные от реализации сырой нефти, включая доходы от реализации сырой нефти внутри страны, а также доходы от ее продажи на экспорт.

$$I_{co} = Q_d \times P_d + Q_e \times P_e, \quad (1)$$

где I_{co} — совокупные доходы от продажи сырой нефти;

Q_d — количество нефти, перерабатываемой внутри страны;

Q_e — количество экспортируемой нефти;

P_d — цена нефти внутри страны;

P_e — цена нефти, поставляемой на экспорт.

Для исчисления величины ренты сырой нефти был произведен расчет затрат на добычу и реализацию нефти согласно формуле (2):

$$C_{co} = C_{mo} + W_{ao} + A_{ao} + D_o, \quad (2)$$

где C_{co} — затраты на добычу и реализацию нефти;

C_{mo} — материальные затраты, связанные с добычей нефти;

W_{ao} — затраты на оплату труда;

A_{ao} — начисления на оплату труда;

D_o — амортизационные отчисления, осуществленные при добыче нефти.

Расчет величины ренты сырой нефти был произведен по формуле (3), в которой совокупные доходы от продажи сырой нефти уменьшены на затраты на добычу и реализацию нефти, а также на «нормальную» величину прибыли, сложившуюся в российской экономике. Очевидно, что преобладающая часть нефтяной ренты оседает в прибыли нефтедобывающих предприятий, благодаря чему рентабельность предприятий этой отрасли в 2–3 раза превышает среднероссийский уровень. В связи с этим величина «нормальной» прибыли была рассчитана на основе среднероссийского уровня рентабельности, позволяющего получать достаточный уровень доходности на капитал, сложившийся в экономике страны, без учета нефтяной ренты.

$$R_{co} = I_{co} - C_{co} - P_{ao}, \quad (3)$$

где R_{co} — величина ренты сырой нефти;

C_{co} — затраты на добычу и реализацию нефти;

P_{ao} — расчетная величина прибыли нефтедобывающих предприятий, полученная на основе среднероссийского уровня рентабельности.

Аналогичным образом был произведен расчет величины ренты, получаемой при переработке нефти, производстве и реализации нефтепродуктов. Сложение величины ренты сырой нефти и величины ренты, получаемой при ее переработке, позволило рассчитать совокупную величину нефтяной ренты страны.

Для оценки степени изъятия нефтяной ренты в бюджет были собраны и проанализированы обязательные платежи в бюджетную систему России, за счет которых осуществляется изъятие нефтяной ренты. К их числу относится семь видов налогов и иных обязательных платежей, поступающих в консолидированный бюджет Российской Федерации:

1) налог на добычу полезных ископаемых (НДПИ) на сырую нефть;

2) акцизы на нефтепродукты (экспортные товары не облагаются акцизами, поэтому акцизы уплачиваются при продаже нефтепродуктов внутри страны; вместе с тем с 2019 г. в России функционирует механизм обратного акциза на нефтяное сырье, согласно которому нефтеперерабатывающие предприятия получают из федерального бюджета возврат сумм акциза на ту часть нефтепродуктов, которая направляется на потребление внутри страны);

3) доходы при выполнении соглашений о разделе продукции при добыче нефти (налог на прибыль, регулярные платежи за добычу полезных ископаемых (роялти), доля прибыльной продукции государства);

4) налог на дополнительный доход (НДД) от добычи углеводородного сырья;

5) разовые платежи за пользование недрами при выдаче лицензии на недропользование;

6) вывозные таможенные пошлины на сырую нефть;

7) вывозные таможенные пошлины на нефтепродукты.

Источником данных стали отчеты об исполнении консолидированного бюджета страны, опубликованные органами Казначейства России (www.roskazna.ru). При оценке степени изъятия нефтяной ренты не учитывались налоговые платежи, которыми облагается текущая экономическая деятельность всех хозяйственных субъектов, в т. ч. не связанная с получением рентных доходов. К их числу относятся следующие налоги: налог на прибыль организаций, НДС, водный налог, налог на имущество организаций, транспортный налог, налог на игорный бизнес, земельный налог.

Кроме того, исследование опиралось на статистическую информацию, представленную на официальных сайтах Федеральной службы государственной статистики (Росстат), Министерства экономического развития РФ. Официальные документы, к числу которых относятся Налоговый кодекс и Закон РФ об исполнении федерального бюджета за 2022 г., взяты из справочной правовой системы «КонсультантПлюс». Вследствие того, что с 2022 г. после введения западными странами против России ограничений на вывоз из страны нефти Росстат перестал публиковать официальные данные о российском экспорте нефти и нефтепродуктов, эти сведения за 2022 г. приведены на основе информации, озвученной в интервью заместителем председателя Правительства РФ А. В. Новаком².

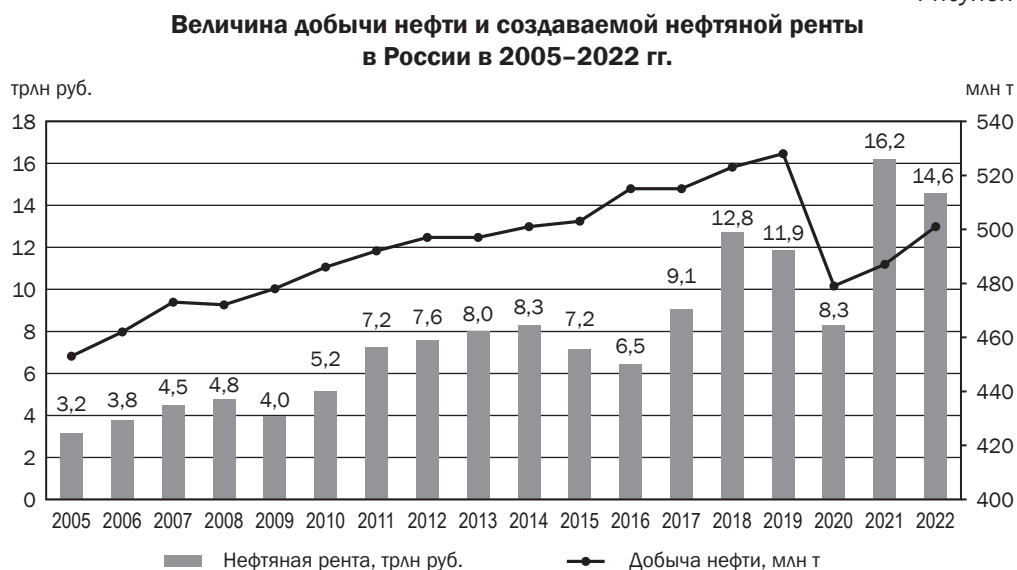
Для оценки степени изъятия нефтяной ренты, адекватной потребностям отечественной экономической системы, был проведен корреляционный анализ между величиной нефтяной ренты и поступлением рентных платежей в виде налогов и иных обязательных платежей, уплачиваемых компаниями, осуществляющими добычу и переработку нефти.

² Россия нарастила экспорт нефти и топлива на 42,8% / ТАСС, 13.03.2023. URL: <http://tass.ru/ekonomika/17248419?ysclid=lpnrokw5g387669797/>.

РЕЗУЛЬТАТЫ

На рис. 2 представлены данные о добыче нефти в России за период 2005–2022 гг. и о величине создаваемой благодаря ее добыче природной ренте. В анализируемом периоде добыча нефти увеличилась на 10,6%, однако создаваемая в стране нефтяная рента выросла за этот период в 4,6 раза, достигнув к 2022 г. 14,6 трлн руб. Нефтяная рента росла более высокими темпами, чем добыча нефти, вследствие инфляционных процессов, номинально повышающих стоимость нефти и нефтепродуктов, а также благодаря совершенствованию производственных процессов, снижающих издержки добычи нефти и производства нефтепродуктов, из-за чего увеличивалась разница между стоимостью продажи продукции и себестоимостью ее производства, которая и составляет нефтяную ренту.

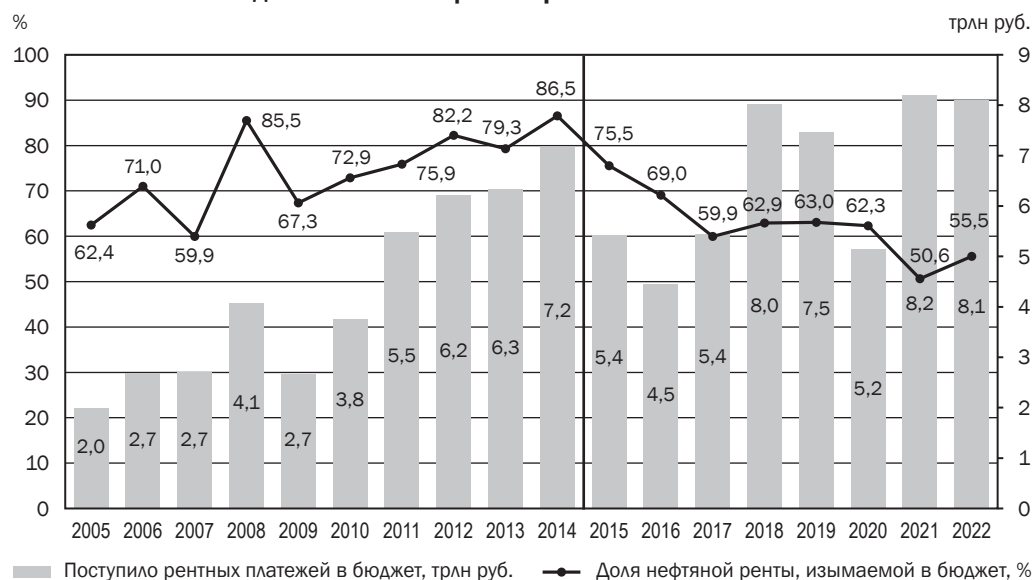
Рисунок 2

Источник: рисунок автора на основе данных Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994>.

Преобладающая часть создаваемой в России природной ренты изымается в бюджет благодаря обязательным платежам предприятий, занимающихся добычей и переработкой нефти. Для целей настоящего исследования таможенные пошлины включены в совокупные налоговые платежи, хотя по российскому бюджетному законодательству они не относятся к налогам. Общий перечень поступлений в консолидированный бюджет России обязательных платежей, взимаемых с нефтяной ренты в 2005–2022 гг., приведен в Приложении. Сопоставление бюджетных доходов от нефтяной ренты со степенью изъятия нефтяной ренты осуществлено на рис. 3. В течение анализируемого периода уровень налогового изъятия нефтяной ренты варьировался в интервале 51–87% от создаваемой величины ренты, максимальная степень изъятия наблюдалась в 2008 и 2014 гг. Если в период 2005–2014 гг. происходило наращивание степени изъятия нефтяной ренты в бюджетную систему России, достигшее к 2014 г. 86,5% от величины создаваемой нефтяной ренты, а среднегодовая величина составила 74,3%, то в последующие годы наблюдалось неуклонное снижение размера ее изъятия — среднегодовая величина в данный период снизилась до 62,4%. При этом благодаря увеличению совокупного объема создаваемой нефтяной ренты из года в год увеличивалась абсолютная величина рентных платежей в бюджет, несмотря на некоторое снижение поступления рентных платежей в отдельные годы, например в кризисный 2020 г.

**Поступление рентных платежей
в консолидированный бюджет Российской Федерации
и доля изыятия нефтяной ренты в 2005–2022 гг.**

Источник: рисунок автора на основе данных Казначейства России, URL: www.roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzhetrov/federalnyj-byudzheto/, и данных Росстата, URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994>.

Возможность получить часть природной ренты является одной из побудительных причин привлечения бизнесменов в определенные отрасли экономики, а также стимулирует приток инвестиций в эти отрасли. Особенно важно оставлять в распоряжении недропользователей дифференциальную ренту II, образующуюся благодаря внедрению инноваций и совершенствованию технологий. Сохранение за недропользователями дифференциальной ренты II выгодно для экономики страны, т. к. это стимулирует модернизацию производства и увеличивает приток инвестиций в основной капитал³. Что же касается абсолютной ренты, образуемой вследствие редкости и ценности полезного ископаемого, добываемого на любом месторождении, а также дифференциальной ренты I, получаемой недропользователями от эксплуатации более продуктивных и экономически выгодных месторождений, то эти виды ренты, по мнению большинства исследователей, должны в наибольшей степени зачисляться в доход государства. В то же время такое значительное сокращение в последние годы доли изыятия нефтяной ренты в бюджет (менее 2/3 ее величины) свидетельствует о недостаточной эффективной модели налогообложения недропользования в стране. Основная часть нефтяной ренты должна изыматься в государственный

³ Дифференциальная рента создается в результате дифференциации условий недропользования у разных компаний, позволяющих получить дополнительный доход в разном объеме. В то же время различаются причины получения дополнительных преимуществ для недропользователей, вследствие чего дифференциальная рента делится на два вида. Источником образования дифференциальной ренты I являются естественные природные преимущества недропользования (более высокое качество полезных ископаемых, удобное географическое расположение, наличие транспортных коммуникаций и т. п.), сложившиеся независимо от хозяйственной деятельности предприятия. Дифференциальная рента II образуется за счет инвестиций и инноваций, осуществляемых недропользователем, которые позволяют ему повысить доход по сравнению с другими предприятиями, занимающимися добычей аналогичных полезных ископаемых, но не использующими новые технологии.

бюджет, ведь этот вид дохода создается благодаря эксплуатации полезных ископаемых, принадлежащих государству.

Переломным моментом в изменении степени изъятия нефтяной ренты стал 2015 г., когда началось ее снижение. Существуют различные факторы, повлиявшие на сокращение уровня изъятия нефтяной ренты, но, на наш взгляд, решающим стал проводимый в России налоговый маневр. С 2015 г. происходило неуклонное снижение ставок вывозных таможенных пошлин на нефть и нефтепродукты с одновременным повышением ставок НДС на добычу нефти, при этом уменьшение поступления вывозных таможенных пошлин, по планам инициаторов реформы, должно быть компенсировано ростом поступления НДС. С 2024 г. ставки вывозных таможенных пошлин на сырую нефть и нефтепродукты обнулили.

В процессе проведения реформирования налогообложения нефтяной отрасли доля НДС в налоговых изъятиях нефтяной ренты за период 2005–2022 гг. выросла с 38 до 74% в совокупных нефтяных доходах, это произошло за счет сокращения доли вывозных таможенных пошлин на сырую нефть с 44 до 5%. Сократилась доля вывозных таможенных пошлин на нефтепродукты с 10 до 2%, при том что их доля в 2014 г. увеличивалась до 21%. Из года в год изменяются поступления акцизов на нефтепродукты, на долю которых иногда приходилось 10–15% налоговых доходов бюджета страны. С 2021 г. значительную роль в налоговых изъятиях нефтяной ренты стал играть налог на дополнительный доход от добычи углеводородного сырья — его доля достигла 15%. Остальные доходные источники играют менее важную роль в изъятии нефтяной ренты. Проведение налогового маневра привело к изменению доли изъятия нефтяной ренты в России отдельными видами обязательных платежей (включая вывозные таможенные пошлины). Наивысшая доля изъятия нефтяной ренты НДС наблюдалась в 2022 г., когда она достигла 57,6%, у вывозных таможенных пошлин на сырую нефть наибольшая доля изъятия была в 2008 г., когда она составляла 37,5%. Это два основных альтернативных способа изъятия в государственный бюджет нефтяной ренты, рост одного доходного источника происходит за счет сокращения другого. Динамика доли изъятия нефтяной ренты в России отдельными видами обязательных платежей в 2005–2022 гг. приведена на рис. 4.

До начала проведения налогового маневра преобладающим финансовым инструментом изъятия нефтяной ренты являлись вывозные таможенные пошлины на нефть и нефтепродукты, что вполне объяснимо, т. к. большая часть нефти, добываемой в России (как в сыром, так и в переработанном видах) направляется на экспорт. В период 2005–2022 гг. от 80 до 90% добытой в России нефти, включая ту часть, из которой были произведены отправленные на экспорт нефтепродукты, вывозилось из страны, и только 10–20% добытой нефти использовалось для внутреннего потребления. Поэтому вывозные таможенные пошлины являются удобным инструментом изъятия нефтяной ренты, учитывающим конъюнктуру цен нефти на мировых рынках.

Государство обладает значительным арсеналом инструментов налогового изъятия нефтяной ренты — их перечень приведен на рис. 4. Для оценки качества изъятия ими нефтяной ренты был проведен корреляционный анализ между величиной нефтяной ренты и размером отдельных видов обязательных платежей, поступающих в консолидированный бюджет России. Результаты расчета коэффициентов линейной корреляции представлены в табл. 1.

В течение всего анализируемого периода наблюдается тесная взаимосвязь между величиной создаваемой ренты и ее изъятием рентными платежами в бюджет — коэффициент корреляции составил 0,9225, его величина сохраняет высокое значение независимо от осуществления налогового маневра. НДС на сырую нефть на протяжении всего анализируемого периода демонстрирует высокую корреляционную связь с величиной ренты, коэффициент корреляции между ними близок к единице. Вывозные

таможенные пошлины на сырую нефть и на нефтепродукты до начала налогового маневра обладали тесной корреляционной связью с величиной ренты, после начала налогового маневра, вследствие ежегодного снижения ставок таможенного тарифа, их коэффициенты корреляции стали отрицательными и имеют низкое значение: $-0,2155$ и $-0,2528$ соответственно.

Рисунок 4

Источник: рисунок автора на основе данных Казначейства России, URL: www.roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzheta/federalnyj-byudzheta/, и данных Росстата, URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994>.

Таблица 1

**Коэффициент корреляции нефтяной ренты
с поступлением отдельных рентных платежей в 2005–2022 гг.**

Сравниваемый показатель	За весь период	В 2005–2014 гг. (до начала налогового маневра)	С 2015 г. (в период маневра)
Поступление рентных платежей	0,9225	0,9846	0,9539
НДПИ на сырую нефть	0,9518	0,9773	0,9161
Вывозные таможенные пошлины на сырую нефть	$-0,2175$	0,9702	$-0,2155$
Вывозные таможенные пошлины на нефтепродукты	0,0257	0,9797	$-0,2528$
Разовые платежи за пользование недрами при выдаче лицензии на недропользование	0,0295	0,3686	$-0,0068$
Доходы при выполнении соглашений о разделе продукции при добыче нефти	0,8551	0,8518	0,6211
Акцизы на нефтепродукты	$-0,4795$	0,9594	$-0,6122$

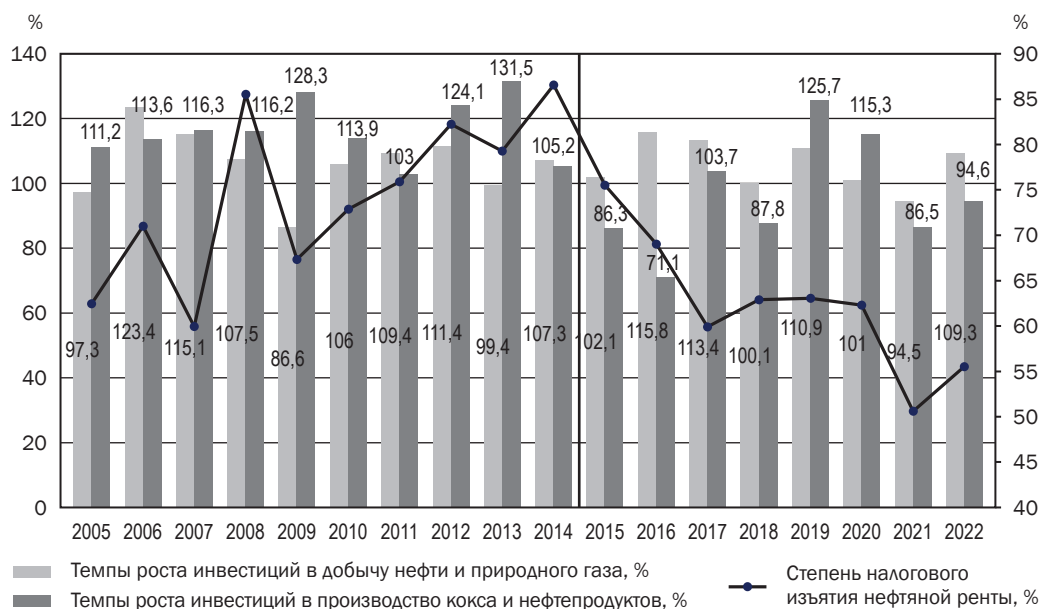
Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных Казначейства России, URL: www.roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzheta/federalnyj-byudzheta/, и данных Росстата, URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994>.

Таким образом, снизилась устойчивость связи величины нефтяной ренты с налоговой базой этих двух видов источников дохода, игравших ранее ключевую роль в регулировании внешней торговли России нефтью и нефтепродуктами. Акцизы на нефтепродукты до начала налогового маневра имели тесную связь с величиной нефтяной ренты; с началом налогового маневра корреляционная связь стала обратной, что можно объяснить введенным налоговым демпфером, предусматривающим компенсацию из бюджета сумм акцизов компаниям, осуществляющим поставки нефтепродуктов на внутренний рынок.

Проведенный анализ демонстрирует, что НДС и вывозные таможенные пошлины, являющиеся ключевыми рентными платежами, способны изымать нефтяную ренту соразмерно изменению динамики ее величины. Однако вследствие того, что с начала налогового маневра рост налоговой нагрузки, создаваемой НДС, не компенсировал в полной мере снижение налоговой нагрузки, создаваемой вывозными таможенными пошлинами, происходило сокращение рентных платежей, уплачиваемых компаниями, занятыми добычей и переработкой нефти. Среднегодовое изъятие нефтяной ренты в бюджет после начала налогового маневра снизилось на 31,0 п. п. В анализируемом периоде к концу 2022 г. ставка вывозной таможенной пошлины на сырую нефть уменьшилась в 10 раз по сравнению с 2011 г. (когда действовала наибольшая ставка), а вывозная таможенная пошлина на бензин была уменьшена в 17 раз. За тот же период ставка НДС на сырую нефть увеличилась всего в 2,2 раза (с 419 до 919 руб. за тонну). Однако нужно принять во внимание существенное различие методик исчисления НДС и вывозных таможенных пошлин, не позволяющее произвести сопоставимое сравнение изменения налоговой нагрузки этих рентных платежей в бюджет. Методика расчета НДС, изложенная в гл. 26 Налогового кодекса РФ, содержит целый ряд поправочных коэффициентов, характеризующих степень сложности добычи нефти, степень выработанности залежей углеводородного сырья и иные особенности добычи нефти, с учетом которых, несмотря на относительное незначительное увеличение базовой ставки НДС, итоговая сумма НДС, уплаченная в анализируемом периоде, выросла темпами, опережающими рост базовой ставки налога.

Важной задачей системы налогообложения природной ренты является обеспечение ее нейтральности таким образом, чтобы налогообложение не ограничивало инвестиции в добычу и переработку природных ресурсов. На рис. 5 приведены данные о динамике инвестиций в добычу и переработку нефти в России в 2005–2022 гг. в сопоставлении со степенью изъятия нефтяной ренты. С началом проведения налогового маневра произошло снижение темпов роста инвестиций добывающих и перерабатывающих предприятий. Если у нефтедобывающих компаний после 2014 г. среднегодовые темпы роста инвестиций в основной капитал сократились только на 0,4 п. п., то у нефтеперерабатывающих компаний наблюдалось снижение на 19,9 п. п., несмотря на то что в этот период данные компании сэкономили значительные средства благодаря снижению ставок вывозных таможенных пошлин на нефтепродукты. Возможно, имеются сопутствующие факторы, повлиявшие на падение инвестиций, но замещение вывозных таможенных пошлин НДС не способствовало росту склонности налогоплательщиков увеличивать инвестиции в расширение и модернизацию своего производства в условиях снижения налоговой нагрузки на нефтяную ренту. На наш взгляд, НДС, взимаемый на этапе добычи нефти, сокращает располагаемые доходы нефтедобывающих компаний, которые они могли бы направить на инвестиции, тогда как вывозные таможенные пошлины характеризуются нейтральностью к принятию решения об инвестировании, т. к. взимаются на этапе экспорта товаров из страны и к тому же перекладываются на иностранных потребителей, как и другие косвенные обязательные платежи.

**Сопоставление темпов роста инвестиций
в добычу и переработку нефти со степенью изъятия нефтяной ренты
в России в 2005–2022 гг.**

Источник: рисунок автора на основе данных Казначейства России, URL: www.roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzheto/federalnyj-byudzheta/, и данных Росстата, URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994>.

Можно предположить, что после начала налогового маневра снизилась инвестиционная привлекательность отрасли нефтепереработки. Если в период 2005–2014 гг. среднегодовая рентабельность нефтеперерабатывающих предприятий составляла 18,0%, то начиная с 2015 г. она снизилась до 9,0%⁴. Предприятия этой отрасли вынуждены приобретать сырье (сырую нефть) по более высокой цене из-за возросшей ставки НДС, которая закладывается в стоимость приобретаемой ими нефти. В то же время можно предположить наличие иных факторов, повлиявших на сокращение прироста инвестиций в нефтеперерабатывающей отрасли, в т. ч. ухудшение внешнеэкономической конъюнктуры.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что формирующаяся в ходе налогового маневра модель налогообложения нефтяной ренты отличается меньшей эффективностью по сравнению с действовавшей до 2015 г. Изъятие нефтяной ренты посредством вывозных таможенных пошлин на нефть и нефтепродукты (когда на их долю приходилось более половины рентных платежей) позволяет качественнее реализовать и фискальную, и регулирующую функции налогов при обложении ренты, чем в условиях доминирования в налогообложении природной ренты НДС, когда сокращаются совокупные рентные доходы бюджета и снижаются инвестиции.

ОБСУЖДЕНИЕ

Многие исследователи отмечали недостатки НДС при обложении добычи нефти. Довольно полно их раскрывает В. В. Понкратов: «Практика применения НДС показала, что действующая система ресурсных налогов ни в фискальном, ни в регулирующем плане

⁴ Источник данных: официальный сайт Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistic>.

не адекватна роли нефтегазовой отрасли в экономике России. Эта система направлена на изъятие текущих сверхдоходов, вызванных благоприятной ценовой конъюнктурой на рынках углеводородного сырья. Такой подход может быть оправдан только в отношении проектов, не связанных с большими капиталовложениями. Но он совершенно непригоден для реализации капиталоемких проектов. Отсутствуют стимулы разработки малодебитных скважин, сохраняется множественность налоговых платежей, при этом не решается в целом проблема изъятия в бюджет природной ренты» [Понкратов, 2014, с. 41].

По мнению С. В. Чернявского и соавторов, в самом механизме применения НДС заложены условия, повышающие готовность налогоплательщиков находить любые способы сокращения налоговых платежей, включая искажение характера и результатов своей хозяйственной деятельности: «...с введением НДС, который даже с учетом существующей дифференциации его ставок никак не зависит от конкретных условий добычи, изъятие дифференциальной горной ренты практически не производится. НДС провоцирует нефтегазовые компании на применение различных схем налоговой оптимизации, которые использовались буквально всеми нефтегазовыми компаниями» [Чернявский и др., 2021, с. 120]. Иные проблемы применения НДС при налогообложении горной ренты отмечают С. Д. Шаталов, М. Р. Пинская и др.: «...следует признать, что такие налоги, как НДС, налог на сверхприбыль организаций, рентабельность которых превышает минимальную по отрасли, не решают задачу справедливого распределения горной ренты» [Шаталов, Пинская, 2023, с. 15]. На недостатки применения НДС при обложении нефтяной ренты указывали в своих публикациях В. Г. Пансков [Пансков, 2018] и ряд других авторов.

Вывозные таможенные пошлины, в отличие от НДС, не оказывают искажающего влияния на производственный процесс, т. к. они уплачиваются плательщиками не на этапе добычи полезных ископаемых, не связаны с издержками производства по добыче и переработке нефти и зависят в основном от конъюнктуры цен на мировых рынках нефтяного сырья. Плательщики вывозных таможенных пошлин практически не получают выгод от сокращения величины их уплаты, т. к. бремя от их уплаты перекадывается на иностранных потребителей. Поэтому у плательщиков вывозных таможенных пошлин гораздо меньше мотивации искать легальные и нелегальные способы сокращения этих рентных платежей в бюджет. Сэкономленные и неуплаченные в бюджет налогоплательщиками суммы таможенных пошлин, исчисляемые в момент вывоза товара из страны, налогоплательщики не могут использовать для собственных нужд, в отличие от неуплаченных сумм НДС, которые остаются в распоряжении компаний.

К преимуществу таможенных пошлин можно отнести и то, что их сложнее скрыть от контролирующих органов (Федеральной таможенной службы). Таможенную пошлину экспортер уплачивает во время пересечения товаром таможенной границы страны, и в этом случае ему труднее скрывать от контролирующих органов какую-то часть вывозимой продукции, в то время как при исчислении и уплате НДС у налогоплательщика появляется больше возможностей и мотивов не сообщать контролирующим органам (Федеральной налоговой службе) о полном объеме добытой нефти.

Значительная часть создаваемой в стране нефтяной ренты изымается в государственный бюджет посредством рентных платежей, среди которых ключевую роль играют НДС и вывозные таможенные пошлины на сырую нефть и на нефтепродукты. Проведенный анализ подтвердил первоначальную гипотезу исследования о низкой эффективности проводимого в России налогового маневра, направленного на снижение вывозных таможенных пошлин на сырую нефть и нефтепродукты: вследствие налогового маневра снижается фискальная роль рентных платежей, а также ослабляется их регулирующая функция, направленная на стимулирование налогоплательщиков к осуществлению инвестиционных вложений.

Величина образуемой в стране нефтяной ренты зависит от мировой конъюнктуры цен на нефть и нефтепродукты. А лучше всего способны изъять эту ренту в процессе экспорта, куда направляется большая часть добываемой в стране нефти, вывозные таможенные пошлины, размер которых определяется на основе цены нефти на мировых рынках. Налоговая база НДС обычно имеет натуральную величину — количество добытой нефти, измеренной в тоннах. А применяемый для расчета ставки НДС поправочный коэффициент на измерение мировых цен на нефть марки Urals только в некоторой степени способен уловить динамику конъюнктуры цен на мировых сырьевых рынках. В результате образованную рыночным механизмом нефтяную дифференциальную ренту I не удастся изъять в бюджет в достаточном размере посредством НДС, в расчете которого преобладают не ценовые, а натуральные элементы. НДС, в отличие от таможенных пошлин, только частично, посредством поправочного коэффициента на цену способен изъять сверхприбыль, образуемую благодаря превышению цен на нефть на внешних рынках над издержками ее добычи.

В основе проведения в России налогового маневра не вполне гармонично сочетаются экономические и политические причины, связанные с осуществлением интеграционных процессов экономики России с экономиками стран ЕАЭС. Создание единого таможенного пространства предусматривает ликвидацию мер таможенно-тарифного регулирования во взаимной торговле между странами ЕАЭС. Поэтому не должны применяться вывозные таможенные пошлины при поставках сырой нефти из России в другие страны ЕАЭС, которые, импортируя из России эту нефть, перерабатывают ее на своих нефтеперерабатывающих заводах и экспортируют в другие страны. Однако реформирование способа изъятия в бюджет налоговой ренты с вывозных таможенных пошлин на НДС привело к снижению качества рентного налогообложения — сократились доходы бюджета. В этих условиях, на наш взгляд, целесообразно вернуть вывозные таможенные пошлины на нефть и нефтепродукты при их экспорте в страны, не входящие в ЕАЭС. В то же время следует снизить ставки НДС до уровня, установленного до 2015 г. При экспорте сырой нефти в страны ЕАЭС не следует вводить вывозные таможенные пошлины. Но для сокращения перетока российской нефтяной ренты в государства ЕАЭС, возможно, следует ввести дополнительные рентные платежи (например, специальный лицензионный сбор или роялти) при поставках сырой нефти из России в страны Союза.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Страны с большими запасами нефти, к числу которых относится Россия, обладают возможностью получать нефтяную ренту в процессе добычи и переработки нефти. Большую часть создаваемой в стране нефтяной ренты целесообразно изымать в бюджет и перераспределять на нужды всего государства. В то же время налоговые инструменты изъятия нефтяной ренты должны быть нейтральны к производственному процессу, они не должны дестимулировать производственную деятельность и привлечение инвестиций. Имеющиеся налоговые инструменты различаются по своей способности изымать в государственный бюджет нефтяную ренту. В ходе проведения данного исследования была достигнута поставленная цель выявления наиболее эффективного способа изъятия нефтяной ренты в России. Были проанализированы все применяющиеся в России налоговые инструменты изъятия в бюджет нефтяной ренты за период 2005–2022 гг. Ключевыми среди них являются НДС на добычу нефти и вывозные таможенные пошлины на сырую нефть и нефтепродукты. По результатам проведенного исследования была подтверждена первоначальная гипотеза о том, что вывозные таможенные пошлины являются более эффективным инструментом изъятия нефтяной ренты по сравнению с НДС. Вывозные таможенные пошлины повышают степень изъятия в бюджет нефтяной ренты, при этом

оказывают меньшее искажающее влияние на производственную деятельность компаний и их склонность осуществлять инвестиции.

Полученные научные результаты обладают практической значимостью для совершенствования налоговой политики, проводимой органами государственной власти в отношении нефтяной отрасли России. Теоретической значимостью обладают результаты исследования, связанные с анализом налоговых инструментов изъятия в бюджет нефтяной ренты.

Дальнейшие научные исследования будут направлены на поиск мер по совершенствованию налогообложения нефтяной ренты и на разработку новых подходов к налогообложению поставок сырой нефти из России в страны ЕАЭС.

Список источников

1. Балиновская Д. В., Короткова С. Н., Ткач Ю. Б. Макроэкономические последствия членства России в ВТО: внешнеэкономический аспект // *Baikal Research Journal* (Байкальский научный журнал). 2023. Т. 14. № 1. С. 235–244. [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2023.14\(1\).235-244](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2023.14(1).235-244).
2. Власов А. Г. Налогообложение предприятий горнодобывающей отрасли: особенности горной ренты и институт консолидированного налогоплательщика // *Финансы и кредит*. 2007. № 15 (255). С. 36–40.
3. Голубченко Н. В., Кузовкин А. И. Налоговая реформа в нефтяной промышленности России и оценка природной ренты // *Микроэкономика*. 2016. № 5. С. 28–36.
4. Гринкевич Л. С. Налоговый маневр в нефтегазовом секторе: какая система налогообложения добычи полезных ископаемых нужна России? // *Сибирская финансовая школа*. 2017. № 4 (123). С. 60–66.
5. Зяблицкая Н. В., Котюк А. А. Целесообразность смены налогового режима нефтегазодобывающего предприятия // *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2021. № 12-1. С. 90–95. <https://doi.org/https://doi.org/10.17513/vaael.1969>.
6. Исламутдинов В. Ф., Куриков В. М., Яцкий С. А. Институциональная среда присвоения нефтяной ренты в России: состав институтов и институциональные ловушки // *Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом*. 2015. № 12. С. 16–21.
7. Камдина Л. В., Симченко О. Л. Оценка экономической эффективности работы нефтедобывающей компании в условиях перехода на режим с налогом на добавленный доход // *Вестник Кемеровского государственного университета*. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2022. Т. 7. № 4 (26). С. 529–535. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-4-529-535>.
8. Майбуров И. А., Иванов Ю. Б. и др. Налогообложение природных ресурсов. Теория и мировые тренды: монография для магистрантов. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2018. 479 с.
9. Марьин Е. В. О некоторых вопросах ресурсной ренты // *Актуальные вопросы современной экономики*. 2022. № 5. С. 912–915.
10. Пансков В. Г. Налогообложение природных ресурсов: проблемы и пути решения // *ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика*. 2018. № 2. С. 91–104. <https://doi.org/10.24411/2071-6435-2018-10018>.
11. Панчева В. С. Анализ необходимости введения налога на финансовый результат и дополнительный доход в нефтегазовой отрасли России на примере зарубежного опыта // *Вестник университета*. 2014. № 17. С. 190–196.
12. Пителин А. К. Оценка нефтяной ренты Российской Федерации // *Экономическая наука современной России*. 2021. № 4 (95). С. 97–109. [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2021-4\(95\)-97-109](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2021-4(95)-97-109).
13. Понкратов В. В. Совершенствование налогообложения добычи нефти и газа в Российской Федерации // *Журнал экономической теории*. 2014. № 1. С. 40–52.
14. Полтерович В. М. Стратегии институциональных реформ. Перспективные траектории // *Экономика и математические методы*. 2006. № 1. С. 3–18.
15. Титова Г. Д. Природная рента: от физиократов до нобелевских лауреатов // *Региональная экология*. 2011. № 1–2 (31). С. 73–81.
16. Тюрина Ю. Г., Троянская М. А. К вопросу о налогообложении добывающей промышленности // *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2018. Т. 7. № 3 (24). С. 292–295.
17. Чернявский С. В., Шутов О. Л., Астахова И. А. Проблемы совершенствования механизма изъятия природной ренты в интересах собственника ресурса // *Вестник Томского государственного университета*. Экономика. 2021. № 56. С. 119–127. <https://doi.org/10.17223/19988648/56/9>.
18. Шаталов С. Д., Пинская М. Р. и др. Концепция рентного налогообложения добычи и извлечения твердых полезных ископаемых // *Финансовый журнал*. 2023. Т. 15. № 3. С. 9–24. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2023-3-9-24>.
19. Brown J. P., Maniloff P., Manning D. T. Spatially variable taxation and resource extraction: The impact of state oil taxes on drilling in the US // *Journal of Environmental Economics and Management*. 2020. Vol. 103. <https://doi.org/10.1016/j.jeem.2020.102354>.

20. Canh N. P., Schinckus C., Thanh S. D. The natural resources rents: Is economic complexity a solution for resource curse? // *Resources Policy*. 2020. Vol. 69. <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2020.101800>.
21. Kjær A. M. et al. When “Pockets of effectiveness” matter politically: Extractive industry regulation and taxation in Uganda and Tanzania // *The Extractive Industries and Society*. 2021. Vol. 8 (1). P. 294–302. <https://doi.org/10.1016/j.exis.2020.12.010>.
22. Lund D. Rent Taxation for Nonrenewable Resources // *Annual Review of Resource Economics*. 2009. Vol. 1. P. 287–307.
23. Masi T., Savoia A., Sen K. Is there a fiscal resource curse? Resource rents, fiscal capacity and political institutions in developing economies // *World Development*. 2024. Vol. 177. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2024.106532>.
24. Mehlum H., Moene K., Torvik R. Institutions and the Resource Curse // *The Economic Journal*. 2006. Vol. 116. Iss. 508. P. 1–20.
25. Osmundsen P., Lovas K. Trends and Trade-Offs in Petroleum Tax Design International // *Journal of Global Energy Issues*. 2009. Vol. 36 (1). P. 42–60.
26. Robinson J. A., Torvik R., Verdier T. Political Foundations of the Resource Curse // *Journal of Development Economics*. 2006. Vol. 79. P. 447–468.
27. Tordo S. Fiscal Systems for Hydrocarbons / *World Bank Working Papers*, 2007. No. 123. 74 p.
28. Wolfson D. J., Koopmans C. C. Regulatory taxation of fossil fuels: Theory and policy // *Ecological Economics*. 1996. Vol. 19 (1). P. 55–65. [https://doi.org/10.1016/0921-8009\(96\)00040-7](https://doi.org/10.1016/0921-8009(96)00040-7).

References

1. Balinovskaya D.V., Korotkova S.N., Tkach Yu.B. (2023). Macroeconomic Consequences of Russia’s WTO Membership: Foreign Trade Aspect. *Baikal Research Journal*, 14 (1), 235–244 (in Russ.). [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2023.14\(1\).235-244](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2023.14(1).235-244).
2. Vlasov A.G. (2007). Taxation of Mining Enterprises: Features of Mining Rent and the Institute of Consolidated Taxpayer. *Finansy i kredit – Finance and Credit*, 15 (255), 36–40 (in Russ.).
3. Golubchenko N.V., Kuzovkin A.I. (2016). Tax Reform in the Oil Industry of Russia and Assessment of Natural Rent. *Mikroekonomika – Microeconomics*, 5, 28–36 (in Russ.).
4. Grinkevich L.S. (2017). Tax Maneuver in the Oil and Gas Sector: What Kind of Taxation System for Mining Does Russia Need? *Sibirskaya finansovaya shkola – Siberian Financial School*, 4 (123), 60–66 (in Russ.).
5. Zyablitskaya N.V., Kotyuk A.A. (2021). Expediency of Changing the Tax Regime of an Oil and Gas Producing Enterprise. *Vestnik Altajskoj akademii ekonomiki i prava – Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*, 12-1, 90–95 (in Russ.). <https://doi.org/https://doi.org/10.17513/vaael.1969>.
6. Islamutdinov V.F., Kurikov V.M., Yatsky S.A. (2015). Institutional Environment of Oil Rent Appropriation in Russia: the Composition of Institutions and Institutional Traps. *Problemy ekonomiki i upravleniya neftegazovym kompleksom – Problems of Economics and Management of the Oil and Gas Complex*, 12, 16–21 (in Russ.).
7. Kamdina L.V., Simchenko O.L. (2022). Economic Efficiency Assessment of Oil Producers during the Transition to Added Income Tax. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sociologicheskie i ekonomicheskie nauki – Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, 7 (26), 529–535 (in Russ.). <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-4-529-535>.
8. Maiburov I.A. et al. (2018). Taxation of Natural Resources. Theory and Global Trends: Monograph. Moscow: Yuniti-Dana Publ., 479 p. (in Russ.).
9. Maryin E.V. (2022). On Some Issues of Resource Rent. *Aktual’nye voprosy sovremennoj ekonomiki – Current Issues of the Modern Economy*, 5, 912–915 (in Russ.).
10. Panskov V.G. (2018). Taxation of Nature resources: Problems and Solutions. *ETAP: ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika – STAGE: Economic Theory, Analysis, Practice*, 2, 91–104 (in Russ.). <https://doi.org/10.24411/2071-6435-2018-10018>.
11. Pancheva V.S. (2014). Analysis of the Need to Introduce a Tax on Financial Results and Additional Income in the Russian Oil and Gas Industry Using the Example of Foreign Experience. *Vestnik universiteta – Bulletin of the University*, 17, 190–196 (in Russ.).
12. Pitelin A.K. (2021). Assessment of the Oil Rent of the Russian Federation. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoj Rossii – Economics of Contemporary Russia*, 4 (95), 97–109 (in Russ.). [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2021-4\(95\)-97-109](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2021-4(95)-97-109).
13. Ponkratov V.V. (2014). Improvement of Taxation of Oil and Gas Production in the Russian Federation. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii – Journal of Economic Theory*, 1, 40–52 (in Russ.).
14. Polterovich V.M. (2006). Strategies of Institutional Reforms. Promising Trajectories. *Ekonomika i matematicheskie metody – Economics and Mathematical Methods*, 1, 3–18 (in Russ.).
15. Titova G.D. (2011). Natural Rent: from Physiocrats to Nobel Laureates. *Regional’naya ekologiya – Regional Ecology*, 1–2 (31), 73–81 (in Russ.).

16. Tyurina Yu.G., Troyanskaya M.A. (2018). On the Issue of Taxation of the Extractive Industry. *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie – The Azimuth of Scientific Research: Economics and Management*, 3 (24), 292–295 (in Russ.).
17. Chernyavsky S.V., Shutov O.L., Astakhova I.A. (2021). Problems of Improving the Mechanism of Natural Rent Extraction in the Interests of the Resource Owner. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*, 56, 119–127 (in Russ.). <https://doi.org/10.17223/19988648/56/9>.
18. Shatalov S.D., Pinskaya M.R. et al. (2023). The Concept of Rent Taxation of Extraction and Extraction of Solid Minerals. *Financial Journal*, 15 (3), 9–24 (in Russ.). <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2023-3-9-24>.
19. Brown J.P., Maniloff P., Manning D.T. (2020). Spatially variable taxation and resource extraction: The impact of state oil taxes on drilling in the US. *Journal of Environmental Economics and Management*, 103. <https://doi.org/10.1016/j.jeem.2020.102354>.
20. Canh N.P., Schinckus C., Thanh S.D. (2020). The natural resources rents: Is economic complexity a solution for resource curse? *Resources Policy*, 69. <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2020.101800>.
21. Kjær A.M. et al. (2021). When “Pockets of effectiveness” matter politically: Extractive industry regulation and taxation in Uganda and Tanzania. *The Extractive Industries and Society*, 8 (1), 294–302. <https://doi.org/10.1016/j.exis.2020.12.010>.
22. Lund D. (2009). Rent Taxation for Nonrenewable Resources. *Annual Review of Resource Economics*, 1, 287–307.
23. Masi T., Savoia A., Sen K. (2024). Is there a fiscal resource curse? Resource rents, fiscal capacity and political institutions in developing economies. *World Development*, 177. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2024.106532>.
24. Mehlum H., Moene K., Torvik R. (2006). Institutions and the Resource Curse. *The Economic Journal*, 116 (508), 1–20.
25. Osmundsen P., Lovas K. (2009). Trends and Trade-Offs in Petroleum Tax Design International. *Journal of Global Energy Issues*, 36 (1), 42–60.
26. Robinson J.A., Torvik R., Verdier T. (2006). Political Foundations of the Resource Curse. *Journal of Development Economics*, 79, 447–468.
27. Tordo S. (2007). Fiscal Systems for Hydrocarbons. World Bank Working Paper, 123. 74 p.
28. Wolfson D.J., Koopmans C.C. (1996). Regulatory taxation of fossil fuels: Theory and policy. *Ecological Economics*, 19 (1), 55–65. [https://doi.org/10.1016/0921-8009\(96\)00040-7](https://doi.org/10.1016/0921-8009(96)00040-7).

Информация об авторе

Дмитрий Юрьевич Федотов, доктор экономических наук, доцент, главный научный сотрудник Института исследований социально-экономических трансформаций и финансовой политики Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва; профессор кафедры международных отношений и таможенного дела Байкальского государственного университета, г. Иркутск

Information about the author

Dmitry Yu. Fedotov, Doctor of of Economic Sciences, Docent, Chief Researcher at the Institute for Research on Socio-Economic Transformations and Financial Policy, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow; Professor of the Department of International Relations and Customs Affairs, Baikal State University, Irkutsk

Статья поступила в редакцию 18.03.2024
Одобрена после рецензирования 28.08.2024
Принята к публикации 14.10.2024

The article submitted March 18, 2024
Approved after reviewing August 28, 2024
Accepted for publication October 14, 2024

ПРИЛОЖЕНИЕ

Поступление в консолидированный бюджет России платежей от нефтяной ренты
в 2005–2022 гг., млрд руб.

	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
НДПИ на нефть сырую	761,3	986,5	1017,3	1493,0	887,6	1266,8	1845,8	2132,6	2190,2	2463,6	2703,5	2343,1	3352,2	5232,3	5175,5	3198,3	6295,7	8391,5
Акцизы на нефтепродукты, производимые на территории страны	123,3	124,6	130,3	138,4	144,6	166,5	277,4	359,9	413,3	368,6	280,0	448,2	524,0	332,2	258,4	791,4	-537,6	-3248,9
Доходы при выполнении соглашений о разделе продукции при добыче нефти (налог на прибыль, регулярные платежи за добычу полезных ископаемых (роялти), доля прибыльной продукции государства)	2,6	4,7	23,2	42,3	21,0	26,5	47,0	70,3	91,4	170,2	220,9	139,7	127,7	233,4	310,6	277,4	263,5	350,4
Налог на дополнительный доход от добычи углеводородного сырья	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	101,1	149,0	1008,7	1685,0
Разовые платежи за пользование недрами при выдаче лицензии на недропользование	26,4	61,1	46,6	91,8	39,7	18,0	47,2	44,8	108,7	55,9	40,1	53,5	66,3	25,7	44,9	48,6	67,8	38,9
Вывозные таможенные пошлины на нефть сырую	871,4	1201,9	1151,5	1784,8	1203,0	1672,4	2332,4	2489,7	2333,6	2620,0	1431,2	1030,8	976,2	1550,0	1115,5	436,0	707,8	606,8
Вывозные таможенные пошлины на нефтепродукты	197,5	314,4	330,5	522,6	378,8	603,8	936,5	1130,3	1206,8	1489,4	748,5	446,8	397,9	648,7	464,9	256,4	391,4	269,5
Всего поступило рентных платежей	1982,5	2693,2	2699,4	4072,9	2674,7	3754,0	5486,3	6227,6	6344,0	7167,7	5424,2	4462,1	5444,3	8022,3	7470,9	5157,1	8197,3	8093,2

Источник: составлено автором по данным Казначейства России, URL: <https://www.goskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzhetov/federalnyj-byudzhet/>, и отчета об исполнении федерального бюджета за 2022 г. из справочной правовой системы "КонсультантПлюс", URL: <https://www.consultant.ru>.